

16+

СанаА
Бова

Тени Золотого
ДРЕВА

СанаА Бова

**Песнь нартов. Тени
Золотого дерева**

«Автор»

2025

Бова С.

Песнь нартов. Тени Золотого древа / С. Бова — «Автор», 2025

В горах Шхафит, где Золотое древо хранит свет нартов, юная Амира из деревни Тхач слышит его зов. Тьма хаоса пробуждается, её шёпот ломает печати прошлого, её слуги — великаны теней, падшие богини и сам хаос грозят миру. Вооружённая светом Древа и молотом Тхагаледжа, Амира отправляется в путь, что пролегает через долины Псыжаба, равнины Псатхи, остров Шауа и забытую Ашху. Её клинок сияет голубым, её союзники — воины тлисов и кузнецы хатукай — встают рядом, её потери — цена света. Сковав хаос, она объединяет кланы, но видение под старым дубом открывает новую угрозу — истину, чей золотой свет глубже Древа, чья песнь манит за море Теней. Кто она — падшая нартка, отвергнувшая Древо, или сила старше хаоса? Амира, хранительница нартов, должна найти ответ, ведь её свет — лишь искра перед бесконечностью истины. Эпическая сага о стойкости, жертве и борьбе за свет в мире, где тени прошлого и будущего сплетаются.

© Бова С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ: "ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО"	6
Глава 1: "Дочь Схауа"	9
Глава 2: "Тень в ночи"	16
Глава 3: "Клинок Казбека"	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

СанаА Бова

Песнь нартов. Тени Золотого дерева

ПРОЛОГ: "ПЕПЕЛ ПРОШЛОГО"

Ветер пел свою вечную песнь, скользя меж острых пиков Кавказских гор, словно невидимый гонец, разносящий вести о былом. Его голос, то низкий и гулкий, как рокот далёкого грома, то пронзительный, подобный крику ястреба, вплетал в себя отголоски древних времён – времён, когда земля ещё дрожала под поступью нартов, а небеса склонялись к их мольбам. Тогда горы были не просто камнем, а живыми стражами, чьи вершины венчали священные рощи, где шептались духи предков. Реки текли не только водой, но и памятью, унося в своих струях кровь героев, чьи подвиги некогда сияли ярче звёзд. Тогда Золотое Древо, сердце мира, стояло на виду у всех – его корни пронизывали недра, питая жизнь, а ветви, усыпанные листьями из чистого света, касались небес, где обитали боги.

Нарты, дети земли и неба, были первыми, кто услышал зов Древа. Их рождение было овеяно тайной: одни говорили, что они появились из искр, высеченных молотом Тхагаледжа, бога-кузнеца, чья кузница пылала в глубинах гор. Другие шептались, что их породила Псатха, госпожа вод, чьи слёзы, падая на камни, обращались в живую плоть. Были и те, кто верил, что нарты – плод любви между смертными и духами ветра, чьи голоса до сих пор звучат в ущельях. Их кожа была крепка, как горный гранит, а глаза горели, как угли в очаге, отражая внутренний огонь, что даровали им боги. Они не знали страха, ибо их сердца бились в ритме самой земли, и каждый шаг их был подобен удару барабана, зовущего к битве.

Эпоха нартов была золотой, но не безмятежной. Они строили крепости из камня, что пел под их руками, и возделывали землю, что сама расступалась перед их плугами. Их песни, полные силы и скорби, разносились ветром, и даже звери склоняли головы, заслышав мелодии, что рождались у костров. Но мир их не был един. Нарты делились на рода, и каждый гордился своей кровью: род Сосруко славился силой, род Шатаны – ловкостью, а род Бадыноко – мудростью. И всё же они объединялись перед лицом врага, ибо знали, что Золотое Древо, их священный страж, не потерпит раскола.

Древо стояло в сердце равнины Шхафит, окружённое кольцом камней, что сияли, как звёзды, упавшие на землю. Его ствол был золотым, словно выкованным из солнечного света, а листья шептались на ветру, рассказывая истории о начале времён. Говорили, что Древо было первым творением богов, посаженным в тот день, когда Тхагаледж ударил молотом по пустоте, и из искры родился мир. Его корни уходили так глубоко, что касались царства мёртвых, где правил Хабар, хранитель теней, а ветви пронзали облака, достигая чертогов Псатхи и её сестёр, духов дождя. Оно питало реки, что текли с гор, и леса, что шумели в долинах, и каждый, кто касался его коры, чувствовал биение жизни – чистой, неукротимой, вечной.

Но там, где свет сияет ярче всего, тьма ждёт своего часа. И имя этой тьмы было Саусрык. Он не родился, как нарты, из любви или силы – он возник в пустоте, что предшествовала свету, в том хаосе, где нет ни формы, ни звука. Черкесские старейшины называли его "чёрным всадником", ибо он являлся верхом на коне, чья грива была соткана из ночного мрака, а копыта оставляли следы, что не зарастали травой. Его глаза пылали багровым, как угли, что тлеют под пеплом, а голос был подобен треску ломающихся костей – низкий, зловещий, проникающий в самую душу. Саусрык не искал власти над миром, как иные демоны; он жаждал уничтожить саму суть бытия, вырвать корни жизни и оставить лишь пустыню, где не звучит ни одна песнь.

С ним пришли его дети – твари, что не имели имени, ибо ни один язык не мог их описать. Их тела были сотканы из теней, что шевелились, как живые, а когти их, чёрные, как обсидиан, резали камень, словно масло. Некоторые носили крылья из дыма, что клубился над полем боя, другие ползли, подобно змеям, оставляя за собой ядовитый след. Они не знали страха, не знали боли – лишь голод, что гнал их вперёд, к свету Золотого Древа.

Нарты встретили врага на равнине Шхафит, где земля ещё хранила тепло первых дней творения. День той битвы стал последним днём света, ибо солнце скрылось за тучами, а небо окрасилось багровым, словно предчувствуя кровь. Во главе стоял Сосруко, величайший из героев, чья броня была выкована из звёздного железа, что Тхагаледж добыл из упавших небесных тел. Его копьё, длинное и острое, пело песнь смерти, пронзая врагов, а волосы пылали, как факел, освещая путь в ночи. Рядом с ним билась Шатана, дочь ветра, чьи стрелы, вырезанные из ветвей священного ясеня, находили цель даже в крошечной тьме. Бадыноко, старейшина нартов, стоял позади, его посох сиял мягким светом, исцеляя раненых и отгоняя тени.

Саусрык не спешил вступать в бой. Он стоял на вершине холма, окружённый своими легионами, и смотрел, как его твари рвут плоть нартов. Его смех, подобный раскатам грома, разносился над равниной, и в нём не было радости – лишь холодное презрение. Легионы тьмы хлынули вперёд, подобно чёрной реке, что смывает всё на своём пути. Когти демонов оставляли шрамы на доспехах, а вой их заглушал крики умирающих. Один за другим падали нарты, их тела усеивали землю, как опавшие листья, а кровь текла ручьями, пропитывая траву и камни.

Сосруко бросился вперёд, его копьё сверкало, как молния. Он сразил десятки тварей, но их место занимали новые, и силы его таяли. Шатана, стоя на коленях, натягивала тетиву, и каждая стрела уносила жизнь врага, но лук её дрожал в руках, а дыхание становилось тяжёлым. Бадыноко воззвал к богам, подняв посох к небу, и тучи расступились, открывая звёзды. Но звёзды молчали, и надежда угасала в глазах воинов.

Тогда небеса дрогнули. Тхагаледж, чья кузница пылала в сердце горы Казбек, спустился на землю. Его поступь была тяжела, как удар молота о наковальню, а глаза горели, как раскалённый металл. В руках он держал молот, выкованный из сердца упавшей звезды, и броня его сияла, отражая свет Золотого Древа. За ним следовала Псатха, чьи волосы текли, как река, а платье было соткано из капель дождя. Её голос, мягкий и печальный, звучал над полем, исцеляя раненых и давая им силы подняться.

– Саусрык! – прогремел Тхагаледж, и даже тьма дрогнула от его мощи. – Ты не возьмёшь этот мир, пока я стою на страже!

Чёрный всадник лишь рассмеялся, но в смехе его промелькнула тень страха. Он бросился на бога, и их битва была подобна столкновению двух бурь. Молот Тхагаледжа обрушивался на Саусрыка, каждый удар высекал молнии, что разрывали небо. Псатха плела заклятья из воды и ветра, связывая тварей, но тьма была упорна – она текла, избегая смертельных ран, и когти её оставляли следы даже на божественной броне.

Сосруко, истекая кровью, поднялся с земли. Его копьё было сломано, но дух его горел ярче, чем когда-либо. Он бросился к Золотому Древу, чьи ветви сияли в центре равнины, и коснулся его коры. В тот миг сила Древа влилась в него, исцеляя раны и наполняя тело светом. Он стал подобен факелу, пылающему в ночи, и с криком, что разнёсся до самых дальних вершин, пронзил Саусрыка остатками своего копья.

Тьма взревела, и земля содрогнулась. Саусрык пал, его тело рассыпалось в прах, унесённый ветром, а легионы его рассеялись, словно дым. Но победа не принесла радости. Сосруко, поддерживаемый Шатаной, смотрел на поле, усеянное телами. Золотое Древо, чья сила была истощена, начало угасать, его свет меркнул, как закатное солнце. Тхагаледж опустился на колени перед ним, а Псатха пролила слёзы, что стали новым ручьём, текущим с гор.

– Мы победили, – сказал Сосруко, но голос его дрожал. – Почему же сердце моё полно скорби?

– Потому что победа требует жертвы, – ответил Тхагаледж. – Древо не может сиять в мире, где тьма оставила свой след. Оно уйдёт в тень, чтобы исцелиться, и с ним уйдёт наша эпоха.

Шатана подняла взгляд к небу.

– А что станет с нами?

Тхагаледж молчал, а затем молот его опустился на землю, и горы сомкнулись над Древом, скрывая его от глаз.

– Вы будете жить, как смертные. Ваши дети забудут нас, но в песнях ветра сохранится память. И когда тьма вернётся, найдётся тот, кто зажжёт свет вновь.

Боги ушли, и нарты разошлись по горам. Прошли века, и мир забыл их имена. Но в глубинах земли Саусрык шевельнулся, его глаза открылись во мраке, и шёпот его разнёсся по пустоте. Земля дрогнула, и новая эпоха приближалась.

Глава 1: "Дочь Схауа"

Солнце вставало над горами медленно, словно нехотя, разливая бледный свет по острым вершинам, что высились, как клыки древнего зверя. Тени ещё цеплялись за ущелья, но первые лучи уже касались крыш деревни Тхач, сложенных из камня и соломы, что пахла сухой травой и дымом очагов. Ветер, вечный спутник этих земель, гудел в ветвях старых дубов, что окружали селение, и нёс с собой запах снега с далёких пиков. Здесь, в сердце Кавказа, где каждый камень хранил память о прошлом, жила Амира из рода Схауа – девушка с глазами цвета горного мёда и сердцем, что билось в такт песням ветра.

Ей было семнадцать зим, и в деревне её знали как дочь Хабиба Схауа, некогда гордого воина, чей клинок сверкал в битвах с пришельцами с равнин. Но те дни давно канули в Лету, и Хабиб, чья спина ныне согнулась под тяжестью лет, сидел у очага, рассказывая истории о прошлом, что казались детям не более чем сказками. Род Схауа, когда-то могучий, как буря, что ломает сосны, теперь терял влияние. Соседи, кланы Тлисов и Хатукай, шептались за их спинами, называя Схауа слабыми, а их земли – лёгкой добычей. Амира чувствовала этот стыд, как занозу в сердце, но молчала, ибо так велел Хабзэ – кодекс чести, что связывал её народ крепче любой клятвы.

Утро началось, как и сотни других. Амира поднялась с лежанки, устланной овечьими шкурами, и натянула на себя рубаху из грубого льна, поверх которой накинута шерстяной чёркесский чепкен, вышитый серебряными нитями. Её волосы, тёмные, как ночь, и длинные, как река Пшиш, она собрала в тугую косу, что падала на спину, словно змея, готовая ужалить. В углу комнаты тлел очаг, и дым поднимался к потолку, где висели пучки сушёных трав – работа её матери, Зарины, что умерла пять лет назад, оставив Амиру с отцом и младшим братом Асланом.

– Амира, – голос Хабиба, хриплый и усталый, донёсся из-за занавески, что отделяла его угол от остальной комнаты. – Огонь гаснет. Подбрось дров.

Она кивнула, хотя отец её не видел, и шагнула к очагу. Дрова, сложенные у стены, были сырыми – вчерашний дождь пробрался даже сюда, под крышу. Амира бросила несколько поленьев в огонь, и пламя, зашипев, принялось их пожирать, выпуская клубы серого дыма. Она кашлянула, отмахнувшись от едкого запаха, и посмотрела на отца. Хабиб сидел, завернувшись в старый плащ, его лицо, изрезанное морщинами, было похоже на карту давно забытых дорог.

– Сегодня совет, – сказал он, не поднимая глаз. – Тлисы опять требуют долю пастбищ у реки. Говорят, их стада голодают.

– Пусть пасут своих овец на равнинах, – резко ответила Амира, её голос звенел, как сталь. – Эти земли наши по праву крови. Ты сам сражался за них.

Хабиб вздохнул, и в этом звуке было столько усталости, что Амуре захотелось кричать.

– Времена меняются, дочь. Мы не те, что прежде. Если откажем, Тлисы придут с клинками, а у нас едва хватит воинов, чтобы держать оборону.

– Тогда я пойду на совет, – сказала она, выпрямляясь. – Пусть услышат, что Схауа ещё живы.

Отец покачал головой, но в глазах его мелькнула тень былой гордости.

– Ты слишком молода, Амира. И слишком упряма. Это дело мужчин.

– Мужчины молчат, пока наш род гниёт, – бросила она и, не дожидаясь ответа, шагнула к двери. Её сапоги, подбитые кожей, застучали по каменному полу, а сердце колотилось от гнева и чего-то ещё – предчувствия, что витало в воздухе, как запах грозы.

Улицы Тхача были узкими и извилистыми, дома лепились друг к другу, словно боялись отпустить тепло. Люди уже проснулись: женщины несли кувшины к роднику, что бил из скалы у края деревни, а мужчины, закутанные в бурки, гнали овец на верхние пастбища. Амира прошла

мимо старой Хадижат, что сидела у порога, плетя корзину из ивовых прутьев. Старуха подняла мутные глаза и пробормотала:

– Ветер неспокоен, девочка. Слышишь, как он воет? Боги шепчутся.

Амира кивнула, хотя слова старухи казались ей пустыми. Хадижат всегда говорила загадками, и деревня давно привыкла к её странностям. Но сегодня что-то в её голосе заставило Амиру замедлить шаг. Она посмотрела на небо – серое, тяжёлое, с клочьями облаков, что цеплялись за вершины. Ветер и правда был громче обычного, его вой эхом отдавался в ущелье, словно кто-то звал её по имени.

Она направилась к священному камню, что стоял на краю деревни. Это был высокий валун, покрытый мхом и вырезанными рунами, чьё значение давно забыли. Говорили, что здесь, у камня, нарты когда-то приносили дары богам, прося защиты и силы. Амира не верила в старые сказки, но любила это место – здесь она могла остаться наедине с собой, вдали от шёпота деревни и усталых глаз отца.

Она опустила на колени перед камнем, её пальцы коснулись холодной поверхности. Руны под её ладонью казались живыми, пульсирующими, как вены под кожей. Амира закрыла глаза, и ветер вдруг усилился, налетев столь яростно, что её коса затрепетала, как знамя. В его гуле она услышала голос – не слова, а мелодию, древнюю и печальную, что звала её куда-то вдаль, за горы, где небо сливалось с землёй.

– Кто ты? – прошептала она, но ответа не было. Лишь эхо, что растворилось в шуме листьев.

Она открыла глаза, и мир вокруг неё замер. Камень, деревья, даже ветер – всё стало неподвижным, словно время остановилось. А затем она увидела его: свет, золотой и мягкий, что поднимался из земли у подножия камня. Он был слабым, как отблеск угасающего костра, но Амира почувствовала тепло, что исходило от него, и что-то ещё – силу, древнюю и могучую, что текла в её венах, как кровь.

– Амира! – резкий крик разорвал тишину, и видение исчезло. Она обернулась и увидела Аслана, своего брата, что бежал к ней, спотыкаясь на камнях. Ему было двенадцать, но он выглядел младше – худой, с растрёпанными волосами и глазами, полными тревоги.

– Что случилось? – спросила она, поднимаясь.

– Отец зовёт. Тлисы пришли раньше совета. Они у дома, и их много.

Амира стиснула зубы. Её рука невольно легла на нож, что висел у пояса – подарок отца, выкованный ещё в дни его славы. Она кивнула Аслану и быстрым шагом направилась обратно в деревню, чувствуя, как ветер толкает её в спину, словно подгоняя.

Когда она добралась до дома, двор был полон людей. Мужчины в чёрных чепкенах, с кинжалами у поясов, стояли полукругом перед Хабибом, что опирался на посох. Их предводитель, Казим из рода Тлисов, был высок и широкоплеч, с лицом, изрезанным шрамами, и взглядом, что мог пробить камень. Его голос, низкий и властный, разнёсся над двором:

– Хабиб Схауа, ты знаешь, зачем мы здесь. Ваши пастбища у реки – наша земля по праву силы. Отдайте их, или мы возьмём их сами.

Хабиб выпрямился, и в его глазах мелькнул отблеск былого огня.

– Эти земли принадлежат Схауа с тех времён, когда твои предки ещё пасли коз на равнинах, Казим. Уходи, пока я не забыл о гостеприимстве.

Толпа зашумела, и Амира шагнула вперёд, не обращая внимания на предостерегающий взгляд отца.

– Если вам нужна земля, – сказала она, её голос звенел, как сталь, – докажите своё право в честном бою. Или вы, Тлисы, забыли Хабзэ?

Казим повернулся к ней, его губы искривились в усмешке.

– Девочка, тебе место у очага, а не среди воинов. Ступай, пока я не научил тебя уважению.

Амира сжала рукоять ножа, но Хабиб схватил её за руку.

– Молчи, – прошипел он. – Ты погубишь нас всех.

Но было поздно. Казим махнул рукой, и его люди двинулись вперёд, их клинки сверкнули в утреннем свете. Амира вырвалась из хватки отца и бросилась навстречу врагу, её сердце билось в ритме той мелодии, что она слышала у камня. И в этот миг ветер взревел, как зверь, а свет, что она видела в видении, вспыхнул в её груди, яркий и неукротимый.

В тот миг, когда клинки Тлисов сверкнули в утреннем свете, время для Амиры словно замедлилось. Она видела, как Казим шагнул вперёд, его кинжал, длинный и изогнутый, как коготь ястреба, нацелился на Хабиба. Видела, как мужчины её рода – те немногие, что ещё держали оружие, – бросились навстречу врагу, их лица были искажены гневом и страхом. Аслан, её младший брат, прижался к стене дома, его глаза, огромные и полные ужаса, следили за каждым движением. Но громче всех этих звуков, громче криков и звона стали, в ушах Амиры звучал ветер – тот самый, что шептал ей у священного камня, теперь он ревел, как буря, что рвёт деревья с корнем.

Она не думала. Её тело двигалось само, словно кто-то другой – древний, сильный – взял её в свои руки. Нож выскользнул из ножен с шипением, и Амира бросилась на Казима, перехватывая его удар в воздухе. Сталь встретилась со сталью, и искры, яркие, как звёзды, посыпались на землю. Казим отшатнулся, его усмешка сменилась удивлением, а затем яростью.

– Докажи своё право! – крикнула Амира, её голос перекрыл шум схватки. Она крутанулась, уходя от второго удара, и её клинок чиркнул по рукаву Казима, оставив тонкий разрез на ткани. Кровь не выступила, но сам факт, что девчонка, которую он считал ничтожной, коснулась его, заставил предводителя Тлисов зарычать.

– Ты пожалеешь, щенок! – прорычал он и бросился на неё с новой силой. Его кинжал мелькал в воздухе, каждый выпад был точен и быстр, как укусы змеи. Амира уклонялась, её ноги скользили по земле, покрытой утренней росой, но она чувствовала, как силы тают. Казим был воином, закалённым в десятках битв, а она – лишь дочерью рода, что давно утратил славу.

Вокруг кипела схватка. Люди Схауа, хоть и уступали числом, дрались яростно. Старик Муса, чья борода была седой, как снег на вершинах, размахивал топором, что выковал ещё его отец, и кричал что-то о чести предков. Молодой Заур, чья сестра когда-то просила руки Амиры для своего брата, отбивался от двоих Тлисов, его копье ломалось под их ударами. Но Тлисы наступали, их клинки находили цель, и кровь уже текла по камням двора, смешиваясь с грязью.

Амира споткнулась, её сапог зацепился за булыжник, и Казим воспользовался моментом. Его кинжал устремился к её груди, и она поняла, что не успеет увернуться. Но в этот миг ветер ударил снова – не снаружи, а внутри неё. Она почувствовала, как тепло, что родилось у священного камня, вспыхнуло в её груди, яркое и неукротимое. Её глаза загорелись золотым светом, и она подняла руку – не нож, а пустую ладонь, – словно могла остановить сталь голой кожей.

И она остановила. Кинжал Казима замер в дюйме от её сердца, словно наткнулся на невидимую стену. Его рука дрожала, лицо исказилось от усилия, но он не мог двинуться дальше. Амира смотрела на него, и в её взгляде было что-то большее, чем гнев – сила, древняя, как сами горы. Ветер вокруг неё взвыл, срывая листья с деревьев и бросая их в лица Тлисов, как град.

– Что за колдовство?! – выкрикнул Казим, отступая назад. Его люди замерли, их клинки опустились, а глаза округлились от страха. Даже воины Схауа остановились, глядя на Амиру, словно видели её впервые.

Она не ответила. Её разум был полон голосов – неясных, переплетающихся, как нити в ковре. Они пели о прошлом, о Золотом Древе, о нартах, чья кровь текла в её жилах. Она не понимала слов, но чувствовала их силу, что поднималась из глубин её существа. Её рука всё ещё была вытянута, и свет, что исходил от неё, становился ярче, озаряя двор, как солнце в полдень.

– Амира! – крик Хабиба вырвал её из транса. Она опустила руку, и свет угас, оставив лишь слабое сияние в её глазах. Казим, воспользовавшись моментом, бросился на неё снова, но на этот раз его остановил не ветер, а Муса. Старик врезался в предводителя Тлисов плечом, и оба рухнули на землю, катаясь в грязи и выкрикивая проклятья.

Бой возобновился, но теперь Тлисы дрогнули. То, что они видели, – свет, что остановил клинок, – было за гранью их понимания. Они отступали, шаг за шагом, пока Казим не поднялся, отпихнув Мусу, и не рявкнул:

– Уходим! Но это не конец, Схауа! Мы вернёмся, и ваша девчонка-ведьма не спасёт вас!

Тлисы растворились в утреннем тумане, что стелился по ущелью, оставив за собой лишь раненых и запах крови. Амира стояла, тяжело дыша, её нож всё ещё был в руке, но пальцы дрожали. Она посмотрела на отца, ожидая гнева или страха, но Хабиб молчал, его взгляд был тяжёлым, как камень.

– Что это было? – наконец спросил он, и в голосе его звучала не только тревога, но и что-то похожее на благоговение.

– Я... не знаю, – ответила Амира, и это была правда. Она чувствовала себя опустошённой, словно сила, что вспыхнула в ней, забрала часть её самой. Аслан подбежал к ней, его лицо было бледным, но глаза сияли.

– Ты была как нарт из сказок! – воскликнул он. – Как Сосруко, когда он сражался с великанами!

– Это не сказки, мальчик, – раздался хриплый голос за их спинами. Амира обернулась и увидела Хамиду, старую ведунью, что жила на краю деревни. Её сгорбленная фигура, закутанная в чёрный платок, казалась тенью, но глаза, острые и ясные, смотрели прямо на Амиру. В руках она держала посох, вырезанный из ясеня и украшенный рунами, что напоминали те, что были на священном камне.

– Хамида, – Хабиб шагнул к ней, его голос дрогнул. – Ты видела?

– Видела, – ответила старуха, её губы растянулись в беззубой улыбке. – И слышала. Ветер давно шептал о ней, но я не верила, пока не увидела своими глазами. Дочь Схауа, в тебе кровь нартов, и не простая – кровь тех, кто касался Золотого Древа.

Амира нахмурилась.

– Золотое Древо? Это просто легенда. Древо, что питало мир, пока боги не скрыли его от нас.

– Легенда? – Хамида рассмеялась, и смех её был похож на треск сухих веток. – А что ты видела у камня? Что остановило клинок Казима? Это не твоя сила, девочка. Это его сила, что течёт через тебя.

Хабиб побледнел.

– Ты хочешь сказать, она избранная? Как в пророчествах?

– Пророчествах, сказках, песнях – называй как хочешь, – отрезала Хамида. – Но я скажу тебе одно: тьма шевелится. Я чувствую её в ветре, в земле под ногами. И если она проснётся, только свет Древа сможет её остановить. А ты, Амира, – ключ.

Амира отступила, её разум отказывался принимать слова старухи. Она была дочерью рода, что едва держался на плаву, а не героиней из песен. Но тепло в её груди, голоса, что пели в её голове, – всё это было реальным, слишком реальным, чтобы отрицать.

– Я не хочу быть ключом, – сказала она тихо. – Я хочу, чтобы Схауа снова стали сильными. Чтобы Тлисы и Хатукай боялись нас, а не мы их.

– Тогда тебе придётся стать больше, чем ты есть, – ответила Хамида. – Золотое Древо зовёт тебя, девочка. И если ты не ответишь, тьма придёт за всеми нами.

Ночь опустилась на Тхач, укрыв деревню холодным покрывалом. Амира сидела у очага, глядя в огонь, что плясал на углях. Хабиб молчал, его руки лежали на коленях, а Аслан спал,

свернувшись под шкурой. Хамида ушла, оставив за собой лишь слова, что жгли Амиру, как раскалённый уголь.

Она не спала. Её мысли кружились, как листья на ветру, возвращаясь к тому моменту, когда свет вспыхнул в её груди. Она вспоминала сказки, что рассказывал отец: о нартах, что сражались с демонами, о Древе, что было сердцем мира. И о Саусрыке, чёрном всаднике, что был побеждён, но не уничтожен.

Когда первые звёзды зажглись на небе, она услышала его снова – ветер, что звал её. Он проникал сквозь щели в стенах, шептал её имя, и в его голосе была тоска, что разрывала сердце. Амира встала, накинула плащ и шагнула к двери.

– Куда ты? – голос Хабиба остановил её.

– Я должна понять, – сказала она, не оборачиваясь. – Если это правда, если я могу спасти нас... я должна знать.

Он не ответил, но она услышала его вздох – тяжёлый, полный боли. Амира открыла дверь и вышла в ночь, чувствуя, как ветер обнимает её, как старый друг. Она знала, куда идти – к священному камню, где всё началось.

Ночь укутала Тхач чёрным покрывалом, усыпанным звёздами, что мерцали, как глаза духов, наблюдающих за миром с высоты. Луна, тонкая, как серп жнеца, висела над вершинами, отбрасывая серебряный свет на тропу, что вела к священному камню. Амира шла быстро, её шаги были почти бесшумны на мягкой земле, укрытой опавшими листьями и иглами сосен. Плащ, что она накинула на плечи, развевался за спиной, словно крылья ястреба, а ветер, её вечный спутник, гудел в ушах, то усиливаясь, то затихая, как дыхание спящего великана. Он звал её, и с каждым шагом зов становился громче, настойчивее, проникая в самую глубину её души.

Деревня осталась позади, её огни – слабые отблески очагов – исчезли за поворотом ущелья. Здесь, на краю Тхача, начинался другой мир: дикий, древний, полный теней и шёпота. Дубы, что окружали священный камень, стояли, как стражи, их ветви сплетались над тропой, образуя свод, сквозь который едва пробивался лунный свет. Амира чувствовала их присутствие – не просто деревья, а свидетели времён, когда нарты ходили по этой земле, когда их голоса звучали громче грома, а клинки сверкали ярче молний. Она не верила в сказки, но здесь, в этой тишине, пропитанной чем-то большим, чем просто ночь, сомнения начинали отступать.

Священный камень возвышался перед ней, чёрный и неподвижный, как кусок ночи, вырванный из неба и брошенный на землю. Его поверхность, покрытая мхом и вырезанными рунами, блестела от росы, отражая звёзды. Амира остановилась, её дыхание вырывалось клубами пара в холодном воздухе. Она не знала, зачем пришла сюда снова, что надеялась найти, но ноги привели её именно сюда, и ветер, что пел в её ушах, не оставлял выбора.

Она опустила на колени, как утром, и коснулась камня. Его холод пробрал её до костей, но под пальцами она снова ощутила то же тепло – слабое, пульсирующее, как сердце, что бьётся в глубине земли. Амира закрыла глаза, и ветер налетел с новой силой, сорвав капюшон с её головы и растрепав косу. Он был не просто ветром – он был голосом, мелодией, что звала её, и теперь она слышала слова, ясные и пронзительные, словно вырезанные на камне её ножом.

– Дочь крови моей, – шептал он, и голос был одновременно мягким, как шёпот матери, и твёрдым, как удар молота. – Свет угасает, тьма поднимается. Найди меня, или всё погибнет.

Амира вздрогнула, её глаза распахнулись, но мир вокруг неё уже не был тем, что она знала. Камень, деревья, звёзды – всё исчезло, растворилось в золотом сиянии, что поднималось из земли, как дым от костра. Она стояла на равнине, широкой и бескрайней, где трава колыбалась под невидимым ветром, а вдали сиял свет – яркий, чистый, как солнце, упавшее на землю. Это было Золотое Древо, она знала это, не нуждаясь в словах. Его ствол поднимался к небу, золотой и могучий, а ветви, усыпанные листьями света, пели песнь, что эхом отдавалась в её груди.

Но равнина не была пуста. Тени двигались в траве, тёмные и бесформенные, их глаза горели багровым, как угли в очаге. Они ползли к Древу, их когти оставляли чёрные шрамы на земле, а вой, что вырывался из их глоток, был полон голода и злобы. Амира шагнула вперёд, её рука потянулась к ножу, но он исчез – здесь не было оружия, только она и свет, что звал её.

– Кто ты? – крикнула она, и голос её разнёсся над равниной, как гром. Тени замерли, их головы повернулись к ней, и в их взглядах она увидела не только ярость, но и страх.

– Я то, что было, – ответил голос, и он шёл не от теней, а от Древа. – Я то, что есть. Я жизнь, что держит мир. Но я слабею, дочь моя. Тьма, что спала, пробуждается, и корни мои истончаются под её когтями.

Амира шагнула ближе, её ноги дрожали, но она не могла остановиться.

– Почему я? – спросила она, её голос дрогнул. – Я не нарт, не героиня. Я дочь Схауа, и мой род умирает.

– Ты больше, чем думаешь, – ответил голос, и в нём была печаль, что сжала её сердце. – Кровь нартов течёт в тебе, кровь тех, кто коснулся меня в дни великой битвы. Ты – последняя, кто слышит мой зов. Найди меня, или свет угаснет навсегда.

Видение дрогнуло, и перед Амирой возникла фигура – не тень, не демон, а человек, чья броня сияла, как звёзды, а волосы пылали, как факел. Сосруко, она узнала его мгновенно, хоть никогда не видела. Его глаза, глубокие и усталые, смотрели на неё, и в них была та же тоска, что звучала в голосе Древа.

– Мы сражались, – сказал он, и голос его был подобен грому, что катится по горам. – Мы победили, но не до конца. Саусрык не мёртв, он ждёт. И теперь твой черёд, дочь крови нашей.

– Я не готова, – прошептала Амира, её руки сжались в кулаки. – Я не знаю, как найти тебя. Я не знаю, кто я.

Сосруко улыбнулся, и в улыбке его была горечь.

– Никто не готов, когда зовёт судьба. Но ты поймёшь, шаг за шагом. Иди на восток, к пику Шхафит, где мы стояли в последний раз. Там начнётся твой путь.

Свет вспыхнул ярче, и видение исчезло. Амира снова стояла у священного камня, её колени дрожали, а руки всё ещё чувствовали тепло Древа. Ветер стих, оставив лишь тишину, что звенела в ушах. Она поднялась, её взгляд упал на руны, что теперь казались ей не просто знаками, а картой – путём, что вёл её к чему-то большему.

Она вернулась в деревню на рассвете, когда первые лучи солнца окрасили вершины в золото. Хабиб ждал её у порога, его лицо было серым от бессонницы, но глаза горели тревогой.

– Ты уходила к камню, – сказал он, и это не было вопросом.

Амира кивнула, её голос был тих, но твёрд.

– Я видела его, отец. Золотое Древо. Оно зовёт меня. И Сосруко... он сказал, что я должна идти.

Хабиб побледнел, его рука сжала посох так, что костяшки побелели.

– Это безумие, Амира. Ты не можешь верить видениям. Ты нужна здесь, с нами.

– Если я останусь, мы погибнем, – ответила она, и в её словах была уверенность, что родилась в ту ночь. – Тлисы вернутся, и не только они. Что-то большее идёт за нами, отец. Я чувствую это.

Он долго молчал, его взгляд блуждал по её лицу, словно искал ту девочку, что когда-то смеялась у его колен. Но перед ним стояла другая Амира – не дочь, а воин, чьи глаза горели светом, что он не мог понять.

– Если ты уйдёшь, кто защитит Аслана? – спросил он наконец. – Кто защитит меня?

– Я вернусь, – сказала она, и голос её дрогнул. – Но я должна идти. Если Хамида права, если Древо – наша надежда, я найду его. Для Схауа. Для всех нас.

Хабиб отвернулся, его плечи опустились, как под тяжестью горы.

– Тогда иди, – сказал он тихо. – Но возьми мой клинок. Он служил мне в дни славы. Пусть теперь служит тебе.

Амира кивнула, её горло сжалось от непролитых слёз. Она вошла в дом, где Аслан ещё спал, и собрала свои вещи: плащ, нож, флягу с водой и узелок с лепёшками, что оставила Хадижат у порога. Клинок Хабиба, длинный и тяжёлый, с рукоятью, обмотанной кожей, лёг в её руки, как старый друг. Она повесила его на пояс, чувствуя его вес, что придавал ей решимости.

Когда она вышла, солнце уже поднялось над горизонтом, заливая деревню светом. Хамида ждала её у тропы, её посох стучал по земле, как метроном судьбы.

– Ты решила, – сказала старуха, и это не было вопросом.

– Да, – ответила Амира. – Восток, к Шхафиту. Ты пойдёшь со мной?

Хамида покачала головой.

– Мой путь здесь, девочка. Но я дам тебе совет: найди Казбека, одинокого волка, что бродит в горах. Он знает тропы, что ведут к Шхафиту, и тайны, что старше меня. И берегись – тьма уже чувствует тебя.

Амира кивнула, её взгляд устремился к горам, что высились на востоке, тёмные и молчаливые. Она сделала первый шаг, и ветер подхватил её, как крылья, унося вперёд, к судьбе, что ждала её за горизонтом.

Глава 2: "Тень в ночи"

Солнце клонилось к закату, когда Амира покинула Тхач, оставив позади дым очагов и шёпот деревни, провожавшей её, словно прощальную песнь. Горы вставали перед ней стеной, их вершины, увенчанные снегом, сияли в последних лучах дня, словно короны древних царей. Тропа, ведущая на восток, к пику Шхафит, была узкой и извилистой, усыпанной камнями, которые скользили под ногами, словно предатели, готовые сбросить её в пропасть. Ветер, её спутник, дул ей в спину, подгоняя, но теперь в его голосе слышалась тревога, которая заставляла Амиру сжимать рукоять клинка Хабиба сильнее, чем нужно.

Она шла уже несколько часов, когда тьма начала сгущаться, словно чернила, пролитые на небеса. Звёзды загорались медленно, их свет был слабым, почти робким, словно они боялись смотреть на землю. Амира остановилась у ручья, журчавшего между камнями, его воды были холодны, как дыхание зимы. Она опустила на колени, наполнила флягу и плеснула водой в лицо, смывая пыль и усталость. Её отражение в струях было размытым, но золотисто-карие глаза, в которых отражался свет, вспыхнувший в ней утром, смотрели на неё как чужие.

– К Шхафиту, – прошептала она, повторяя слова Сосруко из видения. – Но где ты, Казбек, одинокий волк? – Она вспомнила совет Хамиды, но горы молчали, и только ветер отвечал ей, шелестя в ветвях одиноких сосен, цеплявшихся за скалы.

Амира поднялась, её ноги ныли, но она не позволяла себе отдыхать. Видение у священного камня горело в её памяти: Золотое Древо, тени с багровыми глазами, полный тоски голос Сосруко. Она не понимала, что это значит, но чувствовала, что каждая минута промедления приближает что-то страшное. Тлисы были лишь началом, мелкой угрозой по сравнению с тем, что шептала Хамида. Тьма шевелится. Амира стиснула зубы и шагнула вперёд, её тень, длинная и тонкая, тянулась за ней, как призрак.

Ночь опустилась внезапно, как удар молота. Луна, которая ещё недавно освещала её путь, скрылась за тучами, и мир погрузился во мрак. Амира достала из узелочка кусок лепёшки, отломала краюшку и съела, запивая водой из фляги. Её желудок урчал от голода, но она не замечала этого – её мысли были заняты другим. Она думала о Хабибе, об Аслане, о деревне, которая осталась позади. Успеет ли она вернуться? Сможет ли она найти Древо, о котором пели сказки? И что, если Хамида ошиблась и она – не та, кого зовёт судьба?

Внезапно ветер стих. Тишина опустилась на горы, тяжёлая и зловещая, как саван. Амира замерла, её рука легла на клинок. Она прислушалась, но не услышала ничего – ни шороха листвы, ни крика ночной птицы. Даже ручей, журчавший неподалёку, казалось, замолчал, его воды застыли в неподвижности. Её сердце забилося, и в этот миг она почувствовала холод – не тот, что приносит ночь, а другой, липкий и глубокий, поднимающийся из земли, словно тень, скользкая по воде перед бурей.

А потом она услышала его – звук, который не принадлежал этому миру. Низкий, скрежещущий, как когти, царапающие камень. Он доносился из темноты, с той стороны тропы, которая вела обратно к Тхачу. Амира обернулась, напряжённо вглядываясь в темноту. Тени скользили там, где не должно было быть места для мрака, – чёрные, бесформенные, с багровыми искрами вместо глаз. Они были такими же, как в её видении, но теперь они были реальны, и их вой, разорвавший тишину, заставил её кровь застыть в жилах.

– Тхач, – прошептала она, и ужас сдавил ей горло. Эти твари шли не за ней – они направлялись в деревню. К её дому, к её семье. Амира бросилась назад, её ноги несли её быстрее, чем она могла себе представить. Клинок Хабиба был в её руке, его лезвие сверкало в слабом свете звёзд, пробивавшемся сквозь тучи. Она не знала, что это за создания, но знала одно – она не позволит им добраться до тех, кого она любила.

Тропа казалась бесконечной, каждый шаг отдавался болью в её теле, но она бежала, пока не увидела вдалеке огни Тхача. Деревня спала, её дома были тёмными, лишь несколько очагов ещё тлели, выпуская тонкие струйки дыма в небо. Но царившая здесь тишина была неестественной, и Амира поняла, что опоздала.

Первая тварь вынырнула из темноты на краю деревни, её тело было соткано из мрака, а когти оставляли глубокие борозды на земле. Она была выше человека, её морда – если это можно было назвать мордой – изгибалась в оскале, полном острых, как иглы, зубов. Багровые глаза горели, как угли, и смотрели прямо на Амиру. За ней появились другие – десяток, может, больше, их вой слился в хор, разбудивший деревню.

Крики людей разорвали ночь. Мужчины выбегали из домов, сжимая топоры и копья, женщины хватали детей, пытаясь укрыться. Амира видела, как Хабиб, опираясь на посох, вышел во двор, его старый клинок дрожал в руке. Аслан стоял рядом, сжимая палку, которая едва ли могла служить оружием. А затем твари бросились вперёд.

Первая ударила по дому Хадижат, её когти разорвали соломенную крышу, как бумагу. Старуха закричала, но не от страха – её голос был полон ярости, и она ударила тварь корзиной, которую плела утром. Тварь взревела, отшатнувшись, но тут же бросилась снова. Амира не стала ждать. Она вступила в схватку, её клинок рассек воздух и вонзился в бок твари, напавшей на Хадижат. Лезвие прошло сквозь тьму, как сквозь дым, но тварь завизжала, её тело дрогнуло, и она рассыпалась в чёрный прах, осевший на землю.

– Амира! – крик Хабиба донёсся сквозь шум. Она обернулась и увидела, как две твари окружили его и Аслана. Отец отбивался, его посох ломался под ударами когтей, а Аслан кричал, размахивая палкой. Амира бросилась к ним, её клинок сверкнул, и одна из тварей рухнула, рассыпавшись, как и первая. Но вторая ударила её лапой, и Амира отлетела назад, врезавшись в стену дома. Боль пронзила её плечо, но она стиснула зубы и поднялась.

– Уходите! – крикнула она Хабибу, но он не послушал. Он бросился к Аслану, закрывая его собой, и когти твари полоснули его по спине. Хабиб упал, его крик оборвался, и Амира почувствовала, как мир вокруг неё сжался до точки.

– Нет! – закричала она, и в этот миг свет, живший в ней, вспыхнул снова. Он был ярче, чем утром, ярче, чем в видении, – золотой, как само Древо, он вырвался из её груди, озаряя ночь. Твари замерли, их вой сменился визгом, и те, что были ближе, начали растворяться, их тела таяли, как воск под огнём. Амира шагнула вперёд, вытянув руку, и свет устремился к ним, как река, смывая тьму.

Когда всё стихло, деревня лежала в руинах. Дома горели, люди кричали, но твари исчезли, оставив лишь чёрный прах, покрывавший землю, как пепел. Амира упала на колени рядом с Хабибом, её руки дрожали, когда она перевернула его. Его глаза были открыты, но взгляд был пустым, а кровь текла из ран на спине, пропитывая землю.

– Отец, – прошептала она, но он не ответил. Аслан подполз к ней, его лицо было мокрым от слёз, и обнял её, цепляясь за неё худыми руками, как за последнюю опору в мире.

– Амира, – голос Хамиды раздался у неё за спиной. Старуха подошла, её платок был разорван, но глаза горели яростью и скорбью. – Ты видела их. Дети Саусрыка. Они пришли за тобой, но нашли нас.

Амира подняла взгляд, её голос был хриплым.

– Почему? Почему они здесь?

– Потому что ты проснулась, – ответила Хамида. – Твой свет разбудил их, и теперь они будут искать тебя, пока не найдут. Или пока ты не найдёшь Древо.

Амира сжала кулаки, её слёзы падали на землю, смешиваясь с кровью Хабиба.

– Я не хотела этого, – сказала она. – Я хотела спасти нас.

– Ты ещё можешь, – сказала Хамида, положив руку на плечо Амиры. – Но теперь ты знаешь, что тьма реальна. И она не остановится.

Амира кивнула, её взгляд упал на восток, где её ждали горы. Она знала, что должна идти – не только ради Древа, но и ради мести.

Рассвет медленно наступал на Тхач, словно боясь нарушить скорбную тишину, повисшую над деревней после ночного кошмара. Солнце выглянуло из-за гор, разливая бледный свет по руинам: дома, которые ещё вчера стояли крепко, теперь были изранены, их стены обуглились, а крыши провалились под ударами когтей. Чёрный прах, оставшийся от тварей, покрывал землю, как пепел давно погасшего костра, и ветер, вернувшийся с первыми лучами солнца, разносил его по тропам, словно напоминание о том, что тьма не ушла навсегда. Люди Тхача, те, кто выжил, бродили среди обломков, их голоса были приглушёнными, полными боли и страха. Кто-то оплакивал погибших, кто-то пытался собрать остатки жизни под обугленными балками.

Амира стояла на коленях рядом с телом Хабиба, её руки всё ещё сжимали его холодные пальцы, словно она могла вернуть тепло в его тело. Аслан прижимался к ней, его худое тело дрожало от рыданий, а лицо было перепачкано грязью и слезами. Она не плакала – слёзы высохли в её глазах, оставив лишь пустоту, которая была тяжелее любого горя. Клинок Хабиба лежал рядом, его лезвие было испачкано чёрным, и Амира смотрела на него как на немого свидетеля её вины. Она ушла, чтобы найти ответы, чтобы спасти Схауа, но вместо этого принесла смерть.

– Это моя вина, – прошептала она, её голос был едва слышен, заглушённый стонами раненых и треском догорающих очагов. Аслан поднял голову, его глаза, красные от слёз, смотрели на неё с отчаянием.

– Нет, – сказал он, и его голос дрогнул. – Ты спасла нас. Ты прогнала их.

– Я не спасла его, – ответила Амира, её взгляд упал на Хабиба. Даже в смерти его лицо сохраняло суровую гордость, которая была его сутью. Она вспомнила его слова у порога: «Если ты уйдёшь, кто защитит Аслана? Кто защитит меня?» Теперь он лежал мёртвый, и Аслан остался один, а она – с грузом, который давил на её плечи сильнее, чем камни гор.

Шаги за спиной заставили её обернуться. Хамида приближалась, её сгорбленная фигура двигалась медленно, но уверенно, и даже ночь не могла сломить её. Посох стучал по земле, и каждый удар был как метроном, отмеряющий время, которое неумолимо шло вперёд. Её платок был разорван, лицо покрыто сажей, но глаза горели, как звёзды в ночи, полные знаний и силы, которые пугали Амиру.

– Вставай, девочка, – сказала Хамида хриплым, но твёрдым голосом. – Скорбь не вернёт мёртвых, а время не ждёт.

Амира подняла взгляд, её губы сжались в тонкую линию.

– Я не хотела этого, Хамида. Я ушла, чтобы найти Древо, а они... они пришли сюда из-за меня.

– Они пришли бы и без этого, – отрезала старуха, вонзив посох в землю с такой силой, что чёрный прах взметнулся в воздух. – Саусрык не спит, Амира. Его дети чувствуют свет, который пробудился в тебе. Думаешь, это случайность, что они напали именно сейчас? Нет, девочка. Ты разбудила их, но ты и единственная, кто может их остановить.

Амира покачала головой, сжав руки в кулаки.

– Я не знаю, как. Я не знаю, кто я, Хамида. Я не Сосруко, не Шатана. Я дочь Схауа, и всё, что я сделала, – это потеряла отца.

Хамида шагнула ближе, её глаза сузились, и в них мелькнула искра, которая могла быть как гневом, так и жалостью.

– Ты думаешь, нарты родились героями? Они стали ими, потому что не отвернулись от судьбы. Ты видела Древо, слышала его зов. Ты остановила клинок Казима и сожгла этих тварей светом, который течёт в твоей крови. Это не слабость, Амира. Это сила, которой боится даже тьма.

Аслан всхлипнул, его пальцы вцепились в рукав Амиры.

– Ты была как в сказках, – тихо сказал он. – Как нарт, сражавшийся с демонами. Отец гордился бы тобой.

Амира посмотрела на брата, и что-то в его словах пробило брешь в её отчаянии. Она вспомнила Хабиба – не таким, каким он был в последние годы, согбенным и усталым, а молодым воином, чьи рассказы о славе Схауа зажигали её детские мечты. Он умер, защищая Аслана, защищая её, и она не могла позволить его смерти быть напрасной.

– Что мне делать? – спросила она, поднимаясь. Её голос был слаб, но в нём начинала звучать сталь.

Хамида кивнула, растянув губы в беззубой улыбке.

– Ты пойдёшь к Шхафиту, как сказал Сосуко. Но не одна. Я иду с тобой, и Аслан тоже. Ему здесь не место – Тхач ослаб, и твари вернутся, когда наберутся сил.

Амира нахмурилась.

– Аслан слишком мал. Это опасно.

– Везде опасно, – отрезала Хамида. – А мальчик сильнее, чем ты думаешь. К тому же он видел тьму – он не забудет её. Лучше держать его рядом, чем оставить здесь ждать конца.

Аслан выпрямился, вытирая слёзы рукавом.

– Я хочу пойти с тобой, Амира. Я не буду обузой. Я научусь сражаться, как мой отец.

Амира посмотрела на него, и в его глазах она увидела не только страх, но и решимость – ту же, что горела в Хабибе, когда он бросился на тварь. Она кивнула, положив руку ему на плечо.

– Хорошо. Но ты будешь слушаться меня и Хамиду. Без споров.

Он кивнул, и в его взгляде мелькнула тень улыбки. Амира повернулась к старухе.

– Когда мы уходим?

– Сейчас, – ответила Хамида. – Солнце встаёт, и тьма отдыхает в его свете. Нужно успеть уйти подальше, пока она не вернулась.

Амира не стала спорить. Она подняла клинок Хабиба, вложила его в ножны и помогла Аслану встать. Они с Хамидой собрали то небольшое, что осталось: флягу, узелок с хлебом, уцелевший в доме Хадижат, и старый плащ, который Амира накинула на плечи Аслана. Люди Тхача смотрели на них, некоторые перешёптывались, другие отводили взгляд, но никто их не остановил. Смерть Хабиба и свет Амиры оставили след в их душах, и деревня, которая когда-то была их домом, теперь казалась чужой.

Они покинули Тхач, когда солнце поднялось над горами, заливая ущелье золотом. Тропа вела на восток, к Шхафиту, и Амира шла впереди, её клинок висел на поясе, а сердце билось в ритме шагов. Аслан шёл рядом, его палка, которую он подобрал во дворе, стучала по камням, а Хамида следовала за ними, её посох отбивал ритм, который был старше времени.

День был ясным, но холодным, ветер дул с вершин, принося запах снега и сосен. Они шли молча, каждый погружённый в свои мысли. Амира думала о Хабибе, о его последнем крике, о том, как его кровь пропитала землю. Она думала о Древе, о его свете, который звал её, и о тьме, которая теперь знала её имя. Аслан смотрел на горы, его глаза были полны любопытства и страха, а Хамида шептала что-то себе под нос – заклинания или молитвы, которые звучали как древние песни.

К полудню они достигли перевала, где тропа раздваивалась. Одна вела вниз, к реке Пшиш, чьи воды блестели вдалеке, другая поднималась выше, к скалам, которые возвышались, как зубы дракона. Хамида остановилась, воткнув посох в землю.

– Здесь мы отдохнём, – сказала она. – Но ненадолго. Горы чувствуют нас, и не все их взгляды дружелюбны.

Амира кивнула, опускаясь на камень у тропы. Аслан сел рядом, положив палку на колени, и посмотрел на неё, словно ожидая слов. Она заставила себя улыбнуться, хотя улыбка вышла кривой.

– Ты в порядке? – спросила она.

Он кивнул, но голос его дрогнул. – Я скучаю по отцу.

– Я тоже, – тихо сказала она. – Но он хотел бы, чтобы мы были сильными. Чтобы мы шли вперёд.

Аслан снова кивнул, его пальцы сжали палку. Хамида посмотрела на них, её взгляд смягчился, но она ничего не сказала. Она достала из своего узелка кусок сыра, отломала по кусочку для каждого и протянула им.

– Ешьте, – сказала она. – Вам понадобятся силы. Шхафит далеко, а тропы к нему непростые.

Амира взяла сыр, и его солёный вкус вернул её к реальности. Она ела молча, глядя на горы, которые ждали их впереди. Ветер теперь дул мягче, но в его шёпоте она слышала отголоски той мелодии, что пела ей у камня. Он звал её, и она знала, что не сможет повернуть назад.

Когда они закончили, Хамида поднялась, и её посох стукнул по камню.

– Пора, – сказала она. – Восток зовёт, и мы ответим.

Амира встала, её рука легла на клинок Хабиба. Аслан последовал за ней, его шаги были неуверенными, но решительными. Они двинулись вверх, к скалам, и горы сомкнулись над ними, словно стражи, хранящие тайны прошлого и будущего.

Солнце скрылось за горами, оставив лишь слабый багровый отблеск на вершинах, который быстро угасал, уступая место ночи. Тропа, ведущая вверх от перевала, становилась всё круче, камни скользили под ногами, а ветер, дувший с востока, нёс с собой холод, острый, как лезвие кинжала. Амира шла впереди, клинок Хабиба висел на поясе, а глаза напряжённо вглядывались в тени, сгущавшиеся между скалами. Аслан шёл рядом, его палка стучала по камням, а дыхание вырывалось клубами пара в морозном воздухе. Хамида следовала за ними, её посох отбивал ритм, который был единственным звуком в этой глуши, кроме воя ветра, который становился всё тише, словно затаившись перед чем-то большим.

Они поднялись на небольшое плато, окружённое скалами, которые возвышались, словно стражи, их острые края чернели на фоне звёздного неба. Здесь, в тени утёса, защищавшего от ветра, Хамида остановилась, и её посох глухо стукнул о землю.

– Здесь мы переночуем, – сказала она. Её голос был хриплым от усталости, но твёрдым. – Нельзя разводить огонь – в этих горах слишком много глаз, и не все они принадлежат зверям.

Амира кивнула, хотя её тело протестовало против ещё одной ночи без тепла. Она сбросила узелок с плеча и опустилась на землю, прислонившись спиной к холодному камню. Аслан сел рядом, его худые ноги были поджаты под плащ, который она дала ему утром. Он казался меньше, чем был, его лицо осунулось от горя и усталости, но глаза всё ещё горели любопытством, когда он смотрел на звёзды.

– Они такие яркие здесь, – тихо сказал он. – Как будто ближе, чем в Тхаче.

Амира посмотрела вверх, и правда – звёзды сияли, как россыпь искр, которые кузнец высекает из раскалённого железа. Ей вспомнились сказки Хабиба о том, как Тхагаледж выковал небо из звёздного металла, а Псатха украсила его каплями своих слёз. Она не знала, верить ли этим историям теперь, когда она видела свет Древа и тени Саусрыка, но в эту ночь звёзды казались ей не просто светом – они были глазами, которые следили за ней, чего-то ожидая.

Хамида опустилась рядом, положила свой узелок на землю и достала остатки хлеба и сыра.

– Ешьте, – сказала она, протягивая им куски. – Ночь будет долгой, и нам понадобятся силы.

Амира взяла хлеб, его корочка была твёрдой, но внутри он был мягким, с привкусом дома, который теперь был лишь воспоминанием. Она ела молча, её мысли крутились вокруг того, что ждало их впереди. Шхафит был ещё далеко, а горы, хоть и молчали, не казались дру-

желюбными. Она вспомнила слова Хамиды о Казбеке – одиноком волке, который знал тропы и тайны. Где он? И почему старуха была так уверена, что он поможет?

– Хамида, – начала Амира, проглотив кусок хлеба. – Ты сказала, что Казбек знает путь к Шхафиту. Кто он? Почему ты думаешь, что он согласится пойти с нами?

Старуха посмотрела на неё, и её глаза блеснули в темноте, как у кошки.

– Казбек – изгнанник, – тихо сказала она. – Когда-то он был воином Хатукая, одним из лучших. Но он совершил нечто, что запятнало его честь, и теперь он бродит по горам, избегая людей. Говорят, он видел тьму – настоящую тьму, а не просто врагов с клинками. Если кто и знает, как добраться до Шхафита, так это он.

– А если он откажется? – спросила Амира, и её голос дрогнул.

– Тогда ты заставишь его, – ответила Хамида с лёгкой улыбкой. – У тебя есть свет, девочка. Он либо привлечёт его, либо напугает. В любом случае, он не сможет остаться в стороне.

Аслан зевнул, его голова опустилась на плечо Амиры.

– Он как нарт? – пробормотал он, засыпая. – Как Сосуко?

– Может быть, – сказала Хамида, и её голос смягчился. – А может, просто человек, который сбился с пути. Спи, мальчик. Завтра будет новый день.

Амира обняла Аслана, чувствуя тепло его тела сквозь плащ. Она хотела спать, но глаза не закрывались – тени между скалами казались живыми, и каждый шорох заставлял её напрягаться. Хамида сидела неподвижно, её посох лежал на коленях, а губы шевелились, шепча что-то, чего Амира не могла разобрать. Может, заклинание, может, молитву – старуха была загадкой, которая пугала и успокаивала одновременно.

Ночь сгустилась, и тишина стала почти осязаемой. Амира задремала, опустив голову на грудь, но сон был тревожным, полным багровых глаз и воя тварей. Она проснулась от звука – низкого, скрежещущего, доносившегося откуда-то из темноты. Её рука тут же легла на клинок, и она поднялась, сердце заколотилось.

– Хамида, – прошептала она, толкая старуху. – Ты слышишь?

Хамида открыла глаза, её взгляд был острым, как лезвие.

– Слышу, – тихо ответила она. – Это не ветер.

Аслан проснулся, его тело напряглось.

– Они вернулись? – спросил он, его голос дрожал.

– Тише, – шикнула Хамида, поднимаясь. Она сжала посох, её пальцы побелели от напряжения. Амира встала рядом, её клинок сверкнул в слабом свете звёзд. Звук приближался – шаги, тяжёлые и уверенные, эхом отдавались от скал. Но это были не когти тварей, а что-то другое, человеческое.

Из тени выступила фигура – высокая, широкоплечая, закутанная в тёмный плащ, сливающийся с ночью. Лицо её было скрыто капюшоном, но в руках она держала клинок, длинный и прямой, с рунами, слабо светящимися голубым. Она остановилась в нескольких шагах, и её взгляд, скрытый тенью, пробежался по ним.

– Кто вы? – голос был низким, хриплым, как у человека, который давно не разговаривал. – И что вы делаете в моих горах?

Амира шагнула вперёд, опустив клинок, но не до конца.

– Я Амира из Схауа. Это мой брат Аслан и Хамида, ведунья Тхача. Мы идём к Шхафиту.

Мужчина наклонил голову, и свет звёзд упал на его лицо – суровое, с резкими чертами, изрезанное шрамами, пересекавшими щеку и лоб. Его тёмные, как ночь, глаза смотрели на неё с подозрением, но в них мелькнула искра интереса.

– Шхафит? – переспросил он. – Зачем вам туда? Там только камни и смерть.

– Не твоё дело, Казбек, – сказала Хамида, и её голос был твёрд, как удар молота. – Но если хочешь знать, тьма шевелится, и эта девочка – единственная, кто может её остановить.

Мужчина замер, его взгляд переместился на Хамиду.

– Ты знаешь моё имя, старуха. Откуда?

– Я многое знаю, – ответила она с лёгкой усмешкой. – И знаю, что ты видел то же, что и мы. Тени с багровыми глазами. Они пришли в Тхач прошлой ночью.

Казбек сжал клинок, его лицо потемнело.

– Я видел их, – тихо сказал он. – Два дня назад, у старого перевала. Они не тронули меня, но я чувствовал их голод. Чего они хотят?

– Её, – сказала Хамида, кивнув на Амиру. – И свет, который она несёт.

Казбек посмотрел на Амиру, и его взгляд стал острым, как лезвие.

– Ты? Что в тебе такого, девочка?

Амира не ответила сразу. Она чувствовала его сомнение, его насмешку, но в его глазах было что-то ещё – тень боли, которая отозвалась в её собственной душе.

– Я не знаю, – сказала она наконец. – Но я видела Золотое Древо. Оно зовёт меня. И если я не найду его, тьма уничтожит всё.

Он долго молчал, опустив клинок, но пальцы всё ещё сжимали рукоять.

– Древо – это сказка, – наконец сказал он. – Но тени реальны. Я видел их следы, слышал их вой. Если ты идёшь к Шхафиту, ты идёшь на смерть.

– Тогда пойдём с нами, – сказала Амира, её голос был твёрдым, несмотря на дрожь в груди. – Хамида говорит, ты знаешь тропы. Помоги нам, и, может быть, ты найдёшь свой путь.

Казбек рассмеялся, но смех его был горьким, как зимний ветер.

– Мой путь давно потерян, девочка. Но я не хочу видеть, как эти твари пожирают ещё одну деревню. Я пойду с вами до Шхафита. Дальше – сами.

Амира кивнула, её сердце сжалось от облегчения и тревоги. Она не знала, стоит ли ему доверять, но выбора не было. Хамида улыбнулась, её глаза блеснули, как у кошки, поймавшей добычу.

Но их разговор прервал звук – тот же скрежет, который разбудил Амиру. Он доносился из-за скал, низкий и зловеющий, и теперь к нему добавился вой, от которого волосы на затылке Амиры встали дыбом. Казбек развернулся, его клинок поднялся, а руны на нём вспыхнули ярче.

– Они нашли вас, – сказал он, и его голос стал холодным, как сталь. – Приготовьтесь.

Из темноты вынырнули несколько тварей, больше, чем в Тхаче, их тела были выше и шире, а когти сверкали, как обсидиан. Их багровые глаза горели, устремлённые на Амиру, и вой их был полон голода. Аслан вскрикнул, прижимаясь к ней, а Хамида подняла посох, и её губы зашептали заклинание.

Амира шагнула вперёд, её клинок сверкнул, но она знала, что стали будет недостаточно. Свет в её груди вспыхнул снова, золотой и яростный, и она выпустила его, как стрелу, в самую большую тварь. Та взревела, её тело начало таять, но другие набросились на неё, их когти рвали воздух.

Казбек ударил первым, его клинок вонзился в бок одной из тварей, и руны вспыхнули, сжигая мрак. Хамида взмахнула посохом, и ветер, который до этого спал, взвыл, отбрасывая тварей назад. Амира сжала клинок Хабиба и бросилась в бой, её свет и сталь слились в единое оружие. Ночь озарилась криками и сиянием, и горы стали свидетелями новой битвы.

Глава 3: "Клинок Казбека"

Ночь ещё не отпустила горы, когда битва закончилась, но тьма отступила, словно напуганная светом, что вырвался из груди Амиры. Чёрный прах, что остался от тварей, кружился в воздухе, уносимый ветром, что снова завыл меж скал, как раненый зверь. Плато, где они сражались, было изранено: камни расколоты когтями, земля покрыта бороздами, а запах гари и чего-то едкого, нечеловеческого, висел в воздухе, смешиваясь с холодом утра. Амира стояла, тяжело дыша, клинок дрожал в руке, а свет в её груди угасал, оставляя лишь слабое тепло, что пульсировало в такт её сердцу.

Казбек опустил на одно колено, его клинок, покрытый рунами, что ещё слабо светились голубым, вонзился в землю. Его грудь вздымалась, плащ был разорван на плече, и кровь текла из неглубокой раны, оставленной когтем твари. Аслан прижимался к Амуре, его палка лежала рядом, бесполезная против такого врага, а глаза, полные ужаса, смотрели на Казбека, как на героя из сказок. Хамида стояла неподвижно, её посох упирался в землю, а лицо было суровым, но в глазах мелькала тень усталости, что она не могла скрыть.

– Они ушли, – сказал Казбек, его голос был хриплым, как треск льда под ногами. Он поднялся, выдернул клинок из земли и вытер лезвие о край плаща. – Но ненадолго. Эти твари не сдаются.

Амира кивнула, её взгляд упал на чёрный прах, что оседал на камнях.

– Они были сильнее, чем в Тхаче, – сказала она тихо. – И их было больше.

– Они чувствуют тебя, – сказала Хамида, её голос был резким, как удар кнута. – Чем дальше ты идёшь, тем громче твой свет зовёт их. Саусрык знает, что ты идёшь к Древу, и он не позволит тебе добраться до него без боя.

Амира сжала кулаки, её ногти впились в ладони.

– Тогда почему он не пришёл сам? Почему посылает этих... тварей?

Казбек усмехнулся, но в его смехе не было веселья.

– Если бы он мог, ты бы уже была мертва, девочка. Что-то держит его – пока. Но эти его псы – лишь предвестники. Худшее впереди.

Аслан всхлипнул, его пальцы вцепились в рукав Амиры.

– Я не хочу, чтобы они вернулись, – прошептал он. – Они убили отца. Что, если они убьют нас всех?

Амира опустилась на колени рядом с ним, её рука легла на его плечо.

– Я не дам им этого сделать, – сказала она, её голос был твёрд, несмотря на дрожь в груди. – Мы найдём Древо, Аслан. И остановим их.

Он кивнул, но глаза его были полны сомнений. Казбек посмотрел на них, его лицо было непроницаемым, но в глубине его взгляда мелькнула тень чего-то – жалости, может быть, или памяти. Он отвернулся, его клинок лёг в ножны с тихим звоном.

– Надо идти, – сказал он. – Рассвет близко, но горы не простят нам медлительности. Шхафит ещё далеко, а тропы здесь коварны.

Хамида кивнула, её посох стукнул по камню.

– Он прав. Отдыхать будем позже. Собирайтесь.

Амира поднялась, помогая Аслану встать. Она собрала их узелки, проверила флягу – воды оставалось мало, но ручьи в горах были частыми, если знать, где искать. Её плечо ныло от удара твари, но она стиснула зубы и не показала боли. Они двинулись вперёд, Казбек шёл первым, его шаги были уверенными, как у человека, что знал эти тропы, как свои ладони. Амира следовала за ним, Аслан держался за её руку, а Хамида замыкала шествие, её шёпот снова звучал в воздухе, как заклятье, что охраняло их путь.

Рассвет пришёл тихо, окрашивая небо в бледно-розовый цвет, что отражался на снежных вершинах. Тропа поднималась всё выше, воздух становился тоньше, и каждый вдох отдавался холодом в груди. Скалы вокруг них были острыми, как клыки, а между ними зияли пропасти, что уходили в темноту, где не было дна. Ветер дул порывами, принося запах сосен и чего-то ещё – слабого, но тревожного, как эхо той тьмы, что преследовала их.

Казбек остановился у края обрыва, его взгляд упал вниз, где река Пшиш вилась серебряной нитью меж камней.

– Здесь опасно, – сказал он, не оборачиваясь. – Один неверный шаг, и вы внизу. Держитесь ближе ко мне.

Амира кивнула, её рука сжала ладонь Аслана.

– Ты знаешь эти горы лучше нас, – сказала она. – Почему ты здесь один?

Он не ответил сразу, его плечи напряглись, как будто вопрос был ударом.

– Потому что так лучше, – сказал он наконец, его голос был холодным, как лёд на вершинах. – Люди приносят проблемы. Я их оставил позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.